

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ОЖИДАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

For citation:

Zubok J., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ: РЕАЛИЗАЦИЯ ОЖИДАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

ЗУБОК Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: uzubok@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

ЧУПРОВ Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

E-MAIL: chuprov443@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7881-9388>

Аннотация. Статья посвящена проблеме конструирования молодежью собственных жизненных стратегий в сфере образования и труда, а также противоречиям, возникающим в процессе их реализации и находящим отражение в социальных настроениях молодых людей. В статье рассматривается теоретический подход к исследованию жизненных стратегий молодежи. Последние исследуются в культурном пространстве жизнедеятельности молодежи, что позволяет определить их роль в механизме социокультурной саморегуляции. В этой связи цели жизненных стратегий в образовании и в труде рассматриваются в более широком контексте смысложизненных ценностей молодежи, а способы

YOUTH LIFE STRATEGIES: IMPLEMENTATION OF EXPECTATIONS AND SOCIAL MOODS

Julia A. ZUBOK¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Head of the Center for Sociology of Youth

E-MAIL: uzubok@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>

Vladimir I. CHUPROV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Chief Research Fellow at the Center for Sociology of Youth

E-MAIL: chuprov443@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7881-9388>

¹ Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to life strategies constructed by young people in education and labor and highlights contradictions arising from the implementation of life strategies and reflecting in youth social moods. The article offers a theoretical approach to studying youth life strategies. Young people are reviewed within the cultural context helping to define their role in socio-cultural self-regulation. In this respect, the purposes of life strategies in education and labor are considered in a larger context of meaning-in-life values shared by young people, and the ways to achieve those purposes are viewed as characteristics of life strategies. In a changing social reality this approach becomes even more important.

реализации целей — как характеристики жизненных позиций молодых людей. Актуальность такого подхода возрастает в связи с изменяющейся социальной реальностью, в условиях которой выстраиваются и реализуются жизненные стратегии молодежи.

На основе результатов исследований, проводимых Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН, анализируется социокультурная обусловленность целей жизненных стратегий молодых людей и способов их реализации в сферах образования и труда. Показана роль ожиданий в механизме саморегуляции жизнедеятельности, выявлена связь нереализованных ожиданий с социальными чувствами молодых людей, проанализирована их связь с экстремальными настроениями, обосновано их протестное содержание. Анализ связи настроений молодых людей с их представлениями о возможном участии в различных формах протеста позволяет сделать обоснованные выводы не только об источниках эскалации, но и путях предупреждения социальных конфликтов в молодежной среде.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, социокультурная саморегуляция, жизнедеятельность, смыслы, смысложизненные ценности, типы культуры, архетипы, социальные ожидания, социальные чувства протестные настроения, образование

Based on the results of a study conducted by the Centre for Youth Sociology (Russian Academy of Sciences), the paper provides an analysis of sociocultural factors behind the purposes of youth life strategies and ways to achieve them. The authors explain the role of expectations in life self-regulatory mechanisms, the relationship between unfulfilled expectations and social moods of young people, analyze a relation with youth extreme moods and substantiate protest contents. The analysis of the relationship between youth moods and the views of possible participation in protest activities leads to well-founded conclusions concerning not only the sources of escalation but also the ways to prevent social conflicts among young people.

Keywords: youth, life strategies, socio-cultural self-regulation, life activity, life-meaning values, culture types, archetypes, social expectations, social feelings, protest moods, education

Введение

Каждому человеку свойственно планировать свою жизнь на ближайшую и отдаленную перспективу. Планирование, в свою очередь, обусловлено целями, то есть желаемым результатом жизнедеятельности и средствами его достижения. Иначе говоря, человек выстраивает собственные жизненные стратегии. В молодежной

среде этот процесс имеет свои особенности, которые связаны с сущностными характеристиками молодежи как социальной группы. Особенности социального положения и сознания молодых людей — неустойчивость, переходность, лабильность — влияют на понимание ими смысла собственной жизни. Проявляются они в выборе целей жизнедеятельности, а также в оценке доступности средств и возможностей их реализации. В этой связи важно рассмотреть особенности жизненных стратегий молодежи в контексте саморегуляции ее жизнедеятельности.

Поскольку жизненные стратегии определяют направленность жизненных выборов, необходимо установить их место и роль в более общем механизме социокультурной саморегуляции. Для этого требуется проанализировать связи жизненных стратегий в образовании и в труде с представлениями молодых людей о смысле жизни, а также с различными культурными установками, содержащимися в разных культурах. Такой подход позволяет, с одной стороны, получить представление о целях жизнедеятельности молодежи и способах их реализации как составляющих жизненных стратегий. А с другой стороны, выявить их связь с ожиданиями молодых людей в сферах образования и труда. Важным аспектом исследования является анализ связи нереализованных ожиданий с социальными настроениями молодежи, при котором раскрывается саморегуляция самых разных настроений, в том числе протестных.

Жизненные стратегии в саморегуляции жизнедеятельности молодежи: методология исследования

Тематика жизненных планов и стратегий молодежи является едва ли не главной для отечественной социологии молодежи с момента ее становления в 1960-х годах. Внимание к ней возникло, во-первых, со стремлением уже тогда перейти от идеологических клише к изучению конкретных социальных проблем, актуальных для молодежи. Во-вторых, данный переход преследовал сугубо практические цели, поскольку большинство исследований молодежи в ту пору проводилось под эгидой комсомольских органов и требовало реальных данных о состоянии молодежных проблем. При этом само понятие «жизненные стратегии» не использовалось, его место занимало понятие «жизненные планы» молодежи. С одной стороны, они отражали ценности молодого поколения, а с другой — в известной мере претендовали на то, что называется планированием, которое в условиях тогдашней социально-экономической стабильности и предсказуемости было возможно. Так, в исследовании, проведенном в 1963 г. Владимиром Лисовским, ответы на вопрос «Каковы ваши жизненные планы?», распределились следующим образом: «иметь интересную, любимую работу» — 60,6%; «получить высшее образование» — 59,7%; «побывать в других странах» — 57,5%; «добиться материального благополучия» — 54,9%; «создать хорошие жилищные условия» — 54,6%; «повысить свою квалификацию» — 43,7%; «найти верных друзей» — 43,2%; «воспитать детей настоящими людьми» — 41,8%; «встретить любимого человека» — 41,5%; «создать семью» — 32%; «приобрести автомашину» — 31,4%; «получить среднее образование» — 22%; «уехать на одну из новостроек» — 18,4%¹ [Лисовский, 1969: 34].

¹ Допускалось любое количество ответов.

Многие из этих планов и сегодня составляют основу жизненных приоритетов молодых людей.

В созданной в 1965 г. в Уральском университете лаборатории исследования жизненных планов молодежи под руководством декана философского факультета Михаила Руткевича велась теоретическая разработка данной проблематики и обосновывались подходы к ее социологическому изучению. Одно из первых определений жизненных планов молодежи основывалось на понимании их связи с образом жизни [Жизненные планы молодежи, 1966]. Во вступительной статье к монографии «Жизненные планы молодежи» была раскрыта связь этого понятия с более общим понятием «образ жизни», которое также широко использовалось в социологической литературе и стало предметом многочисленных эмпирических исследований. Если в образе жизни (личности, малой группы, социальной группы и т. д.) синтезируются характеристики места личности (или группы) в экономической структуре общества и семейной сфере, господствующие политические убеждения и религиозные (атеистические) воззрения, этические нормы и их воплощение, уровень образования и общей культуры и т. п., то жизненные планы все это конкретизируют. Понятие «жизненные планы» не применялось больше ни к одной социально-демографической группе, кроме как к молодому поколению, тем самым отражая такие его особенности, как становление социальной зрелости и социальной субъектности, перспективность мобильности. Наконец, жизненные планы характеризуют не реально обретенный статус, а самопрогноз, ориентации, сформировавшиеся в сознании молодых людей к моменту выбора дальнейшего пути, и фиксируют желание (ожидание) определенной направленности социальной мобильности [Руткевич, 2008: 118].

В середине 1980-х годов в отечественной социологии молодежи произошла смена парадигм. На концептуальном уровне закрепился отход от изучения молодежи преимущественно как объекта воздействия со стороны общества к изучению ее как субъекта выбора и главного актора собственной жизнедеятельности. Это определило переход к исследованию молодежи с позиции жизненных стратегий, предполагающих наличие, во-первых, долгосрочной системы целей, а во-вторых, более или менее осознаваемое представление о путях их реализации. Было введено понятие «стратегии жизни» [Абульханова-Славская, 1991] и началась разработка комплексного подхода к исследованию жизненных стратегий личности как (а) способа реализации жизненных притязаний [Магун, Энговатов, 2005]; (б) сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни посредством поэтапного формирования будущего [Резник, Смирнов, 2002]; (в) проекта, основанного на определенном типе рациональности как способе целеполагания и решения поставленных задач, определения приоритетов и средств [Наумова, 2005].

В обосновании типов стратегий и их классификации стали использоваться признаки активности, инициативы, ответственности. При построении жизненной стратегии, отмечает Ксения Абульханова-Славская, человек самой средой ориентируется и направляется на те или иные долгосрочные цели и при этом проявляет себя как субъект ориентирования и конструирования собственной жизни. Поэтому наличие стратегии жизни следует рассматривать в качестве критерия зрелости

личности как целостного субъекта деятельности, что проявляется в умении соединять воедино три компонента — свои индивидуальные возможности (статусные, возрастные и пр.), собственные притязания и требования внешней среды. Способность осуществлять такое соединение определяется как «стратегия жизни» [Абульханова-Славская, 1991: 67].

Через призму жизненного пути рассматривалось взросление молодежи и в западной социологии. В рамках изучения особенностей взросления молодежи и путей ее вхождения в общество сформировалась концепция транзиции (transition), основанная на переходности, прежде всего, социального статуса молодежи. Содержательно это понятие отражало систему главных статусных переходов: от учебы к работе, от статуса члена родительской семьи к созданию собственной семьи и уход из родительского дома, переезд в собственное жилье. В каждом из этих переходов выражаются социальные притязания молодых людей — как на раннем этапе социального старта, так и на последующих стадиях жизненного цикла. Характеристики транзиции остаются важнейшими маркерами положения молодежи в обществе и ее социального взросления [Walther, 2006; Wyn et al., 2020], а жизненные стратегии — характеристиками выбора способов реализации транзитивных переходов.

Принципиальным отличием транзиции, построения и реализации жизненных стратегий европейской молодежи, начиная с 1960-х годов, было возрастание неопределенности, пролонгация переходного состояния, отложенное по экономическим причинам взросление и зависание в состоянии маргинальности. Это отражалось и в метафорических образах, призванных пролить свет на способы интеграции молодежи в общество и условия реализации ее стратегий по мере их усложнения. Изменявшаяся реальность все дальше уходила от модели «заполнения социальных ниш», когда молодое поколение вливалось в относительно стабильное общество и его сферы, а всякие исключения в этом механизме были результатом социальных проблем, локализованных во вполне определенных группах молодежи (выходцы из неполных и бедных семей, отшельники, делинквенты и т. п.). В периоды структурной трансформации возможности и траектории индивидов и групп, как уже известно, более жестко детерминируются их изначальной позицией в социальной структуре. Трансформационные процессы, начавшиеся в западных странах в последней трети прошлого столетия, однозначно отразили влияние этих детерминантов, превращая механизм реализации жизненных стратегий молодежи в наведение «социальных мостов», «прокладывание путей и троп». Они стали связываться с прерывистостью и нелинейностью «социальных траекторий», а также с образом «социальной навигации», осуществляемой в условиях нарастающей неопределенности [Evans, Furlong, 1997; Furlong, Stalder, Azzopardi, 2000]. Главной характеристикой жизненных стратегий молодежи стал *риск* [Furlong, Cartmel, 1997; Williams, Chuprov, Zubok, 2003].

Аналогичные процессы, но с существенным различием по глубине и масштабам преобразований, происходили и в российском обществе. Радикальным и стремительным изменениям подверглись все без исключения структурные компоненты общества, что радикально поменяло условия взросления молоде-

жи. С одной стороны, вследствие демократизации и либерализации изменялись жизненные притязания молодых людей [Революция притязаний..., 1998], сами они выходили из-под опеки государства, а их самостоятельность расширялась под влиянием тренда на либерализацию. С другой стороны, системный кризис и беспрецедентный уровень нестабильности трансформировали социальный механизм построения жизненных стратегий, обусловили их дифференциацию и тотальную неопределенность в жизни молодежи, по-разному проявляясь в различных сферах [Чупров, Зубок, Уильямс, 2001; Чередниченко, 2004; Зубок, 2007]. Общим, однако, стало то, что взросление оказалось персональной заботой самих молодых людей и их родителей, поставленных в жесткие условия дикого рынка.

Таким образом, глобальным признаком взросления молодежи и ее жизненных стратегий как в европейских странах, так и в российском обществе становились дестандартизация и индивидуализация жизненных стратегий молодежи на фоне возрастающего кризиса. Смягчение режима взаимодействия, снижение непосредственного регулятивного влияния институтов и их воздействия на выбор молодежью целей своей жизни и средств их достижения — все это шло рука об руку с социально-классовой детерминированностью жизненных шансов молодых людей, повышая их уязвимость. При этом социально-классовые характеристики (происхождение, гендер, этничность, место проживания) продолжали определять жизнь и стратегии молодежи. А растущее разнообразие в образовании, труде, культурных практиках, как отмечали влиятельные английские социологи молодежи Энди Ферлонг и Фред Картмел, маскировало значение базисных классовых оснований, создавая впечатление большего равенства и индивидуализации как личного выбора жизненных стратегий [Furlong, Cartmel, 1997].

На фоне дестандартизации и плюрализации в экономической сфере формировалось глобальное новое культурное пространство современности, в котором выросли и социализировались все последующие поколения молодежи. Изменялись механизмы формирования ценностей и способы социального контроля. Они, с одной стороны, переходили к другим агентам — молодежной субкультуре, моде, рекламе [Зубок, Яковук, 2008], а с другой — становились объектом саморегуляции.

Многие жизненные цели и ценности, актуальные для молодежи в тот период, сохранялись и в последующее десятилетия, отражая общность целевых ориентиров молодежи из разных стран. При этом в жизни молодого поколения воспроизводились и главные системные противоречия, связанные преимущественно с локальным социально-экономическим, политическим и социокультурным контекстом, а также с личными ресурсами и компетенциями молодежи. В одних случаях эти противоречия способствовали реализации жизненного выбора, а в других, наоборот, препятствовали. Формировалась отличительная черта жизненных стратегий молодежи — «планирование без форсайта» [Gidley, Inayatullah, 2002]. Нельзя сказать, что на государственном, в том числе и общеевропейском, уровне не предпринимались попытки оптимизировать условия самореализации молодежи. Напротив, проводились исследования и выработывались подходы к молодежной политике на национальном и межгосударственном уровне. Определялись главные факторы, влиявшие на взросление

и самореализацию молодежи, на их основе формулировались цели молодежной политики — расширение прав и возможностей молодежи, в том числе *права на личный выбор*. Однако субъективные стремления молодых людей, их предпочтения и мотивационные установки по-прежнему недооценивались [Walther et al., 2002]. Как недооцениваются они в российской молодежной политике и сегодня.

Анализ жизненных стратегий сегодняшнего поколения молодых европейцев, особенно из восточного блока, взрослеющих под влиянием нарастающей глобализации, показывает, что они испытывают еще более высокий риск, чем прежде, но при этом имеют более широкие возможности для жизненного выбора [Mitev, Kovacheva, 2014]. Однако возможности воплощения жизненных стратегий, как и прежде, обусловлены пролонгированной транзицией, индивидуализацией и появлением новых видов неравенства, вызванных в числе прочего прекарризацией труда, коммодификацией образования, цифровизацией и другими факторами, по-новому определяющими основания стратификации в молодежной среде [Kelly, Kamp, 2014; Новые смыслы..., 2015; Carabelli, Lyon, 2016; Bessant, Farthing, Watts, 2017; Zaremohzzabieh et al., 2020].

Исследования показывают, что глобальные социально-экономические и социокультурные изменения успели закрепиться в «социальном поколении» [Woodman, Wyn, 2015], в представлениях о реальности и способах жизнедеятельности молодежи. Проводя сравнительный поколенческий анализ, австралийские социологи, в частности, обобщают изменения, происходящие в поколении Y. Общим стало постепенное закрепление ненадежной работы (краткосрочных контрактов и работы неполный рабочий день), совмещение работы и учебы в течение длительного времени, стремление к гибкости и мобильности, принятие самого факта нулевой безопасности как нормы жизнедеятельности. Свои жизненные цели молодые люди все больше связывают с формированием личных отношений вместо ставки на карьеру или профессию. Эти новые условия и приоритеты создали феномен «*новой взрослости*» (new adulthood) [Crofts et al., 2015; Wyn et al., 2020]. Сутью этого феномена, отразившего новизну в отношении молодого поколения к жизни, стало принятие нового нормативного и ролевого порядка. А именно, согласие и достижение определенного уровня лояльности по отношению к тому, что приходится самостоятельно принимать решения, инвестировать в образование, брать на себя ответственность и управлять тем, что происходит на все более нестабильном и ненадежном рынке труда.

Фактически речь идет о расширяющемся пространстве саморегуляции молодежи. И в отличие от предыдущих поколений нынешнее поколение живет со сложившимся ожиданием нестабильного трудового пути, более длинного перехода к гарантированной занятости и, как следствие, опасением планирования в отношении работы или семейной жизни на долгую перспективу. Затрудненный переход становится все более вероятной реальностью для всех, а не только для тех, кто исторически относился к обездоленным социальным группам [Crofts et al., 2015]. Неудивительно, что в таких условиях в среде молодежи формируются не долгосрочные, а краткосрочные цели, а планы редко оформляются в стратегии.

При этом жизненные цели разных поколений молодежи во многом воспроизводят свою структуру, меняя приоритеты и их значение. На примере исследования динамики жизненных целей молодых австралийцев видно, что доминирующее значение межличностных отношений, финансовой безопасности, обеспечения и заботы о семье («Y»), совпадает с ценностями предыдущего поколения («X»), для которого они были важнейшей частью жизненных стратегий. Но в отличие от поколения «X» у австралийского поколения «Y» повышается чувствительность к этическим принципам, а значение заработка и общественного положения снижается. Между тем, то, как осуществляются преемственность и изменения в жизненных целях молодежи, подчеркивают австралийские исследователи, идет вразрез с популярными медийными образами и нарративами, имеющими мало общего с истинными приоритетами этого поколения молодежи [Crofts et al., 2015]. Стереотипные и надуманные образы молодежи препятствуют адекватному пониманию ее приоритетов и ожиданий на уровне принятия политических решений в том числе и в нашей стране.

Итак, жизненные стратегии являются частью многопланового процесса жизнедеятельности и предполагают наличие целей жизни и средств их реализации как результат собственного выбора молодых людей. Обобщая существующие подходы к исследованию жизненных стратегий, Анастасия Волокитина отмечает, что в основе наиболее общего определения жизненной стратегии лежит ее понимание как *сознательного* определения человеком *целей и задач*, основных *направлений* деятельности, *приоритетов и ценностей*, этапов реализации, новых *способов решения* проблем не только в своей жизни, но и в окружающей среде. «Исходя из этого, жизненные стратегии молодежи представляют собой интенциональную характеристику сознания и направленность поведения личности в конкретных жизненных ситуациях» [Волокитина, 2011: 6].

Такое понимание стратегий заложено в определении их роли и места в механизме ее *социокультурной саморегуляции*. Выбор молодыми людьми целей жизнедеятельности и средств их достижения связан с их представлениями о *смысле жизни*. Смысл содержит понимание молодыми людьми сущности всего того, чем наполняется жизнедеятельность, и одновременно является «дискретным импульсом особого рода интенциональности» [Пелипенко, 2014: 25]. Смыслы складываются во взаимодействиях молодых людей друг с другом и другими в культурном пространстве. Последнее образуется связью взаимодействующих субъектов с базовой культурой и с различными формами молодежной субкультуры. Воспроизводимые в культурном пространстве ценности выполняют функцию смыслообразования и лежат в основе мотивации жизнедеятельности, придавая ей избирательность и направленность. Смысл, по определению Альфреда Шюца, «может быть связан как с научным, теоретическим познанием мира, так и с жизненными установками и ориентациями, обладающими непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм опыта, в том числе исторического» [Шюц, 2004: 89]. Поэтому понимание смысла собственной жизни становится наиболее общим основанием формирования целей жизнедеятельности в жизненных стратегиях молодежи. Связь жизненных стратегий с механизмом саморегуляции состоит в том, что они определяют способы конструирования молодыми людьми

собственной жизни на основе обусловленных культурой смысложизненных ценностей и закрепленных в их жизненных позициях [Зубок, Чупров, 2018: 489—490].

Место жизненных стратегий в *социокультурном механизме саморегуляции* жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности. [Чупров, Зубок, Романович, 2014; Зубок, Чупров, 2019]. При данном подходе мы обращаем внимание не только на содержание конкретных ценностей, настроений, убеждений молодежи, но и прежде всего на их место в структуре механизма и связь элементов механизма между собой [Ученые записки ФНИСЦ РАН, 2020].

Конструируя образы труда и образования, молодые люди только отчасти наполняют их привычным смыслом, конструируя собственное понимание. В процессе конструирования они приобретают для молодого человека не только определенный смысл — сущностное выражение, но и значение — место в иерархии смыслов. При этом значение может быть терминальное (самоценное), когда объект выступает в виде ценности-цели, или инструментальное, прагматично воспринимаемая как средство достижения иных, более значимых целей. При этом выделяется круг смыслов, обретающих безусловный характер. Их реализация становится самоцелью, а достижение этой цели — смыслом жизни — того, что, по определению Жана Тощенко, «отражает главное, сущностное, что содержится в общественном сознании, поведении (деятельности) в условиях определенной социальной среды» [Тощенко, 2018: 195]. Именно такие безусловные для человека смыслы составляют фундамент его жизненных стратегий.

Основываясь на результатах социологического исследования², рассмотрим цели жизненных стратегий, связанные с пониманием молодыми людьми смысла собственной жизни (см. табл. 1).

Таблица 1. *Цели жизненных стратегий, связанные с пониманием смысла жизни*

Понимание смысла жизни	Распределение по возрасту, в %*		
	15—17	18—24	25—29
Любовь	72,0	57,1	56,6
Продолжение себя в будущих поколениях	48,2	35,3	28,2
Спокойная, безбедная жизнь	44,1	37,3	42,9
Стремление к истине	28,0	30,1	28,5
Борьба за справедливость	28,0	26,8	19,8
Политическая борьба	1,1	2,6	4,0
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	16,0	41,2	33,3

* Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

² Здесь и далее используются результаты исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 г. в семи субъектах РФ, в 28 населенных пунктах. Выборка молодежи в возрасте 15—29 лет составила 803 человека. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Руководители исследования: Ю. А. Зубок, В. И. Чупров.

Как следует из таблицы 1, в понимании молодежью смысла жизни во всех возрастных группах первые три места по степени значимости занимают «любовь» (72% в группе 15—17 лет; 57,1% в группе 18—24 лет; 56,6% в группе 25—29 лет), «продолжение себя в будущих поколениях» (соответственно: 48,2%; 41,2%; 42,9%), а также «спокойная, безбедная жизнь» (44,1%; 37,3%; 42,9%). Остальные смыслы выражены слабее, но все, кроме политической борьбы, представлены в значимых долях в трех возрастных группах. В процессе жизнедеятельности смыслы приобретают ценностную форму, становясь «целями-принципами, которыми руководствуется человек, что позволяет ему придерживаться устойчивых, жизненно важных ориентиров» [Тощенко, 2018, 201—202]. Формирующиеся смысложизненные ценности выступают в качестве смысловых оснований целей в жизненных стратегиях молодежи.

Как отмечалось выше, смысложизненные ценности формируются в культурном пространстве молодежи. Поэтому вопрос о смысле, перемещаясь из плоскости изучения сознания в плоскость изучения жизни, расширяется и становится вопросом культуры [Леонтьев, 2014: 106]. Разработка структурной модели культурного пространства осуществлялась на основе подхода Питирима Сорокина [Сорокин, 2000], развиваемого авторами с учетом целей исследования и подробно изложенного в ряде научных статей [Чупров, 2018; Зубок, Чупров, Любутов, 2020].

Проанализируем, в какой степени различные типы культуры, выявляемые в молодежной среде, и соответствующие им интенции связаны со смысложизненными ценностями молодых людей (см. табл. 2).

Таблица 2. **Связь типов культуры со смысложизненными ценностями**

Типы культуры	Связь со смысложизненными ценностями, в %						
	Любовь	Продолжение себя в будущих поколениях	Спокойная, безбедная жизнь	Проявление своей индивидуальности (самореализация)	Стремление к истине	Борьба за справедливость	Политическая борьба
Духовная культура	60,8	32,8	31,2	43,5	33,9	24,7	5,4
Инновационная культура	60,6	32,9	36,9	43,1	30,8	24,0	4,9
Культура физического развития	63,6	33,8	37,3	39,9	33,1	25,9	6,8
Гедонистическая культура	56,9	34,9	42,4	42,1	29,3	25,3	6,2
Адаптационная культура	54,5	37,1	44,3	31,1	25,1	24,6	3,6
Культура моральной анонии	52,9	33,1	39,5	42,4	33,7	29,1	7,0

Анализ данных таблицы 2 показывает наибольшую связь всех типов культуры с «любовью» как смысложизненной ценностью: с культурой физического развития (63,6%); с духовной культурой (60,8%); с инновационной культурой (60,6%); с гедонистической (56,9%); адаптационной (54,5%) и с культурой моральной аномии (52,9%).

Адаптационная и гедонистическая культуры в наибольшей степени связаны со смысложизненными ценностями «спокойная, безбедная жизнь» (соответственно 44,3% и 42,4%) и «продолжение себя в будущих поколениях» (37,1% и 34,9%).

Отмечены наиболее значимые связи духовной культуры с ценностью самореализации (43,5%) и со стремлением к истине (33,9%); инновационной культуры с ценностью самореализации (43,1%); культуры физического развития со стремлением к истине (33,1%) и с борьбой за справедливость (25,9%); культуры моральной аномии со спокойной, безбедной жизнью (39,5%), со стремлением к истине (33,7%), с борьбой за справедливость (29,1%), с политической борьбой (7%).

Таким образом, смыслы, содержащиеся в установленных связях, определяют социокультурную природу целей в жизненных стратегиях молодежи, регулятивным основанием которых выступают смысложизненные ценности.

Социокультурная природа целей вытекает из исторической обусловленности смыслов как основы ценностей. Исторический опыт, на который указывает Шюц в приводимом выше определении смыслов, проявляется в процессе саморегуляции жизнедеятельности молодежи в форме архетипов коллективного бессознательно — по Карлу Юнгу, «общечеловеческих первообразов» [Юнг, 1988]. «Регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психогенетическом уровне определенных форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов» [Морозов, 2014: 202—203]. Из входящего потока впечатлений в мозг пропускается лишь то, что «так или иначе, корреспондирует с внутренними психическими образами» [Пелипенко, 2014: 28]. Бессознательное, обусловленное прошлым, запечатленным в психике человека, включает в себя архетипические компоненты культуры, передаваемые от поколения к поколению в мифологических образах, пословицах, поговорках. На основе их анализа были выделены наиболее распространенные архетипические образцы, исторически сформировавшиеся в коллективном бессознательном россиян: судьбы («чему быть — того не миновать»), добра («добро не умрет, а зло пропадет»), совести («хоть мошна пуста, да совесть чиста»), вины («послушание — добродетель, непослушание — грех»), правоты власти («где царь — тут и правда»), славы («бессмертен тот, кто славу добрую при жизни обретет»), спасителя («сколько нечисть ни тешится, а придет добрый молодец и сокрушит нечестивца»), идеализации прошлого («почитая старое, обретаешь новое»). Для анализа важно было не знание перечисленных поговорок молодыми людьми. Важно было, во-первых, согласие или несогласие молодых людей с транслируемыми в них смыслами, принятие этих смыслов и включение в «тезаурус как ориентационный комплекс» [Луков, Луков, 2014].

Наличие и степень выраженности связи смысложизненных ценностей молодежи с этими образами дает более обоснованное представление о культурных основаниях выбора молодыми людьми своих стратегических целей. Наличие связи выразилось в процентном отношении между признаками (см. табл. 3).

Таблица 3. **Связь смысложизненных ценностей молодежи с архетипами**

Смысложизненные ценности	Связь с архетипами, в %							
	Судьбы	Добра	Совести	Правоты власти	Вины	Славы	Спасителя	Идеализации прошлого
Любовь	74,0	73,1	76,7	32,7	54,8	69,0	71,0	86,2
Стремление к истине	65,2	65,1	77,5	33,1	55,3	68,9	62,1	84,3
Борьба за справедливость	68,1	68,3	75,2	30,0	51,1	65,1	66,9	78,8
Спокойная безбедная жизнь	82,8	65,9	74,7	35,6	52,9	71,1	66,3	75,6
Политическая борьба (за власть)	71,9	62,1	73,1	46,7	62,1	56,7	70,0	89,7
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	71,6	66,9	73,6	31,3	45,4	65,4	65,4	83,8
Продолжение себя в будущих поколениях	79,4	76,1	77,3	35,7	59,4	72,2	69,6	87,3
Средние значения	73,2	68,2	75,4	35,0	54,4	66,9	67,3	83,7

Как видно из таблицы 3, связь между архетипами и смысложизненными ценностями молодежи очень высокая. Наиболее выражена связь всех анализируемых смысложизненных ценностей с архетипом *идеализации прошлого*, в котором апелляция к прошлому опыту является критерием истинности происходящего (среднее значение 83,7 %); с архетипом *совести*, отражающим эмоционально-нравственные основания целей (75,4 %); с архетипом *судьбы* как признанием непреодолимой силы обстоятельств (73,2 %).

О чем говорят полученные данные? Они говорят о сложной культурной подоплеке жизненных выборов, которые совершает молодой человек или девушка; о высокой инерционности базовых оснований культуры и преемственности образцов традиционной культуры в большей степени, нежели можно было бы ожидать. Эта связь проявляется в выборе жизненных целей даже тем поколением молодежи, которое своим образом жизни и условиями взросления, казалось бы, далеко ушло от традиционной культуры. Однако сопоставление при определенной степени условности современных данных с данными исследования жизненных планов молодежи, проведенного около шестидесяти лет назад, свидетельствует в пользу данного вывода. Смыслы, заложенные в сознании прошлых поколений, имеют достаточно много общего с теми, что обнаруживаются в жизненных стратегиях современного поколения, отличаясь между собой скорее формулировками и уровнем значимости.

Определив роль жизненных стратегий в механизме социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи, рассмотрим, каковы цели ее стратегий в сферах образования и труда.

Целевая составляющая жизненных стратегий молодежи в сферах образования и труда

Цели жизненных стратегий молодых людей в этих сферах отражены в их ответах на вопрос «В чем для Вас смысл образования (труда)?». Прежде всего, проанализируем изменение смыслов образования и труда в меняющейся социальной реальности — при переходе от относительно благополучных условий к выраженному экономическому кризису (2014)³ и в условиях углубляющегося кризиса (2017) (см. табл. 4 и 5).

Таблица 4. *Изменение смыслов образования среди молодежи, 2014 и 2017 гг., в %*

Смыслы образования	2014	2017
Развитие способностей	22,1	36,4
Получение диплома	22,7	17,9
Потребность в познании	8,4	11,6
Престиж	3,2	4,4
Возможность сделать карьеру	39,6	25,6
Общая культура	3,9	4,1

Как видим, в условиях углубления кризиса произошли заметные изменения смыслов образования в сторону повышения его терминальной ценности, которая определялась набором смысловых значений: развитие способностей, потребность в познании, общая культура. В 2017 г. по сравнению с 2014 г. заметно возросла доля респондентов, разделяющих терминальную ценность образования — с 34,4 % до 52,1 %.

Аналогичная тенденция прослеживается и в изменении смысла труда в сторону повышения его терминальной ценности, выраженной набором смысловых значений: осознание своей полезности, внутренняя потребность, творчество. Доля терминальной ценности труда у молодежи возросла с 31,3 % в 2014 г. до 42 % в 2017 г. Следовательно, в условиях кризиса самоценное значение образования и труда среди молодежи возрастает, что отражается в целевой части жизненных стратегий в этих сферах.

Таблица 5. *Изменение смыслов труда среди молодежи, 2014 и 2017 гг., в %*

Смыслы труда	2014	2017
Осознание своей полезности	20,9	28,2
Возможность заработать	61,3	48,3
Внутренняя потребность	7,2	7,2
Вынужденная необходимость	5,5	8,2
Творчество	3,2	6,6
Общение	1,7	1,5

³ Для сравнения использовались результаты исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2014 г. в 13 субъектах РФ, в 65 населенных пунктах, путем опроса населения России старше 15 лет. Всего опрошено 1459 человек. Выборка молодежи в возрасте 15—29 лет составила 400 человек. Опрос проводился методом личного интервью по месту жительства респондентов. Руководители исследования: Ю. А. Зубок, В. И. Чупров.

Проанализируем связь смысложизненных ценностей молодежи со смыслами образования, которые рассматриваются в качестве целей жизненных стратегий в данной сфере (см. табл. 6).

Таблица 6. **Связь смысложизненных ценностей с целями жизненных стратегий в сфере образования, 2017 г.**

Смысложизненные ценности	Связь со смыслами образования, в %					
	Развитие способностей	Диплом	Потребность в познании	Престиж	Возможность сделать карьеру	Общая культура
Стремление к истине	43,2	13,1	15,8	5,9	19,8	2,3
Любовь	37,8	15,0	12,4	4,1	27,0	3,6
Борьба за справедливость	35,5	14,8	13,6	3,6	27,8	4,7
Спокойная, безбедная жизнь	31,3	20,9	8,6	5,3	28,6	5,3
Политическая борьба	40,6	18,8	9,4	0,0	31,2	0,0
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	33,2	14,6	12,1	4,0	31,5	4,4
Продолжение себя в будущих поколениях	33,6	18,6	13,0	2,4	27,7	4,7
Средние значения	36,4	16,5	12,1	3,6	27,6	3,5

Как следует из таблицы 6, все смысложизненные ценности молодежи в наибольшей степени связаны со смыслом образования как развития способностей. Особенно выделяется связь целевой установки на развитие способностей со стремлением к истине (43,2%) и с политической борьбой (40,6%). Ценность спокойной, безбедной жизни в наибольшей степени связана с получением диплома как смысла образования (20,9%); ценности политической борьбы и самореализации — с возможностью сделать карьеру (соответственно 31,2% и 31,5%). Таким образом, в результате связи между смысложизненными ценностями и смыслами образования последние приобретают более обоснованный характер в качестве целей жизненных стратегий. В порядке значимости средних значений цели жизненных стратегий в сфере образования распределяются следующим образом: развить способности (36,4%), сделать карьеру (27,6%), получить диплом (16,5%), удовлетворить потребность в познании (12,1%); в ничтожной степени повысить собственный престиж (3,6%) и повысить уровень общей культуры (3,5%).

Проанализируем связь смысложизненных ценностей молодежи со смыслами труда (см. табл. 7).

Анализ представленных в таблице 7 данных показывает, что все смысложизненные ценности в наибольшей степени согласуются с пониманием труда как заработка. Причем наибольшие значения возможности заработать связываются в сознании молодежи с ценностями борьбы за власть (65,6%), спокойной, безбедной жизни (54,9%), продолжением себя в будущих поколениях (50,6%). Кроме

того, ценность стремления к истине находится в смысловой наибольшей связи с ощущением своей полезности (33,3%) и внутренней потребности в труде (11,3%); ценность борьбы за справедливость — с ощущением своей полезности (33,7%), но и с трудом как вынужденной необходимостью (10,1%); ценность самореализации — с творчеством как смыслом труда (19,4%). Таким образом, на основе средних значений связи смысложизненных ценностей со смыслами труда цели жизненных стратегий молодежи в данной сфере распределяются так: заработать (48,7%), ощутить собственную полезность (28,1%), проявить в творчество (7,7%), трудиться вынужденно, по необходимости (6,7%), трудиться в силу внутренней потребности в труде (6,5%), ради общения (2,1%).

Таблица 7. **Связь смысложизненных ценностей с целями жизненных стратегий в сфере труда, 2017 г.**

Смысложизненные ценности	Связь со смыслами труда, в %					
	Ощущение своей полезности	Возможность заработать	Внутренняя потребность в труде	Вынужденная необходимость	Творчество	Общение
Стремление к истине	33,3	41,0	11,3	5,0	9,5	0,0
Любовь	29,6	47,0	8,2	6,4	7,3	1,5
Борьба за справедливость	33,7	39,1	7,1	10,1	9,5	0,6
Спокойная, безбедная жизнь	23,9	54,9	4,1	8,8	5,6	2,7
Политическая борьба	18,8	65,6	3,1	0,0	6,2	6,2
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	29,2	43,0	7,4	8,4	10,4	1,7
Продолжение себя в будущих поколениях	28,5	50,6	4,7	8,3	5,5	2,4
Средние значения	28,1	48,7	6,5	6,7	7,7	2,1

Обращает на себя внимание, что полученное распределение целей жизненных стратегий в сферах образования и труда в связи со смысложизненными ценностями практически совпадает по своим значениям с распределением смыслов образования и труда как таковых (см. табл. 4 и 5). Представления о смысле жизни, выступающие в качестве наиболее общей цели жизненных стратегий молодежи, распространяют свое влияние и на выбор целей в конкретных сферах жизнедеятельности. Это подтверждает обоснованность теоретического подхода к определению жизненных стратегий как части процесса саморегуляции жизнедеятельности и связи целей конкретных стратегий с представлениями молодежи о смысле жизни.

Способы реализации целей в саморегуляции жизненных стратегий молодежи

Ориентации молодежи на цели-ценности и средства их достижения определяют социокультурную направленность выстраивания себя как жизненного проекта. Понимание молодым человеком самого себя является необходимой составляющей его жизненной позиции, от которой зависят представления о том, как лучше всего дойти до цели. Жизненная позиция включает в себя жизненные установки, определяющие готовность молодого человека добиваться своей цели определенным способом, а также степень его активности.

Рассмотрим жизненные установки молодежи, от которых зависит выбор способов реализации целей жизненных стратегий в образовании и в труде (см. табл. 8).

Таблица 8. **Жизненные установки молодежи в различных возрастных группах, в %**

Жизненные установки	15—17 лет	18—24 года	25—29 лет
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	63,5	62,6	58,1
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	79,4	77,4	75,0
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться государством	71,4	80,5	73,6
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться избранными депутатами разного уровня	57,1	72,1	73,6
Защите интересов таких людей, как я, способствовало бы усиление власти президента РФ	47,6	57,9	56,1

Согласно данным, представленным в таблице 8, большинство респондентов считают, что добиться успеха в жизни можно, полагаясь на себя, но при этом следуя законам. Такое сочетание говорит о высокой степени самосознания молодых людей и их субъектности. Собственную жизненную позицию большинство из них также оценивает как активную. На основании семибалльной шкалы позиции 7, 6 и 5 баллов отметили всего 89,7 % респондентов в возрасте 15—17 лет, 85,2 % — 18—24 и 86,5 % — 25—29 лет. Однако с годами у молодых людей существенно возрастают ожидания участия власти в защите их интересов — государства, депутатов и лично президента. В этой позиции проявляется, прежде всего, рефлексия роли институтов, которые имеют вполне ясные обязательства перед гражданами. А фактором обеспечения эффективности этой роли каждый второй считает президента.

Проанализируем, какова связь рассмотренных жизненных установок и оценок собственной жизненной позиции со способами реализации целей в сфере образования. Для анализа использовались следующие варианты способов реализации целей в системе общего образования: достижение широкого объема знаний и общей культуры; получение углубленных знаний, необходимых для профильной специализации; получение минимума знаний и культурных навыков, необходимых для дальнейшей жизни (см. табл. 9).

Таблица 9. **Связь жизненных установок молодежи со способами реализации целей в сфере общего образования**

Жизненные установки	Связь со способами реализации целей, в %		
	Получение широкого объема знаний и общей культуры	Получение углубленных знаний, необходимых для профильной специализации	Получение минимума знаний и культурных навыков для дальнейшей жизни
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	53,5	26,5	16,7
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	53,2	29,5	14,9
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться государством	55,0	28,3	13,7
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться избранными депутатами разного уровня	55,3	27,0	15,6
Активная жизненная позиция	78,1	62,4	54,4
Пассивная жизненная позиция	21,9	37,6	45,6

Как видно в таблице 9, более половины респондентов единодушно выбрали в качестве приемлемого для себя способа реализации целей в сфере общего образования получение широкого объема знаний и общей культуры. Данная стратегия отражает традиционный подход к образованию, существовавший в стране до его реформирования в постсоветский период. Символично, что среди сторонников такого способа реализации цели в образовании 78,1% занимают активную жизненную позицию. Вдвое меньше доля респондентов, выбравших такой способ реализации цели, как получение углубленных знаний, необходимых для профильной специализации. Между тем данная стратегия лежит в основе образовательного стандарта для старших классов средней школы и отражена в действующем Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». И совсем незначительна доля респондентов, которые в способах реализации цели образования ограничиваются получением минимума знаний и культурных навыков, необходимых для дальнейшей жизни. Тот факт, что каждый второй среди них (45,6%) оценивает свою жизненную позицию как пассивную, представляется неслучайным.

Проанализируем связь жизненных установок и оценок собственной жизненной позиции со способами реализации целей в сфере труда. Для анализа использовались следующие варианты: трудолюбие, честное, добросовестное отношение к труду; взаимопомощь, поддержка друг друга; ответственность; бережливость; принцип «каждый за себя»; свобода и независимость ни от кого; дисциплинированность (см. табл. 10).

Таблица 10. Связь жизненных установок молодежи со способами реализации целей в сфере труда

Жизненные установки	Связь со способами реализации целей, в %*						
	Трудолюбие	Взаимопомощь	Ответственность	Бережливость	Принцип «каждый за себя»	Свобода и независимость	Дисциплинированность
В жизни каждый человек должен полагаться только на себя	40,8	41,2	46,5	38,8	38,1	43,3	40,0
Принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать	42,2	43,8	48,7	36,4	37,3	41,9	40,6
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться государством	44,3	45,9	49,8	38,1	34,9	41,0	40,1
Интересы таких людей, как я, в первую очередь должны защищаться избранными депутатами разного уровня	44,0	42,9	49,6	39,7	34,8	43,6	40,4
Средние значения	42,8	43,4	48,6	38,2	38,3	42,4	40,3
Активная жизненная позиция	89,1	88,5	91,2	90,4	87,3	86,3	88,0
Пассивная жизненная позиция	10,9	11,5	8,8	9,6	14,7	13,7	12,0

* Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

Данные таблицы 10 подтверждают наличие связи жизненных установок молодежи, отражающих и жизненную позицию, со средствами реализации целей в сфере труда.

Отмечаются высокие значения активности жизненных позиций, колеблющиеся от 91,2% в связи с ответственностью до 86,3% в связи со свободой и независимостью как способами достижения целей в труде. Наиболее высокое среднее значение связи жизненных установок — с ответственным отношением к труду (48,6%) как способу обеспечения максимально эффективной реализации целей в этой сфере. А наименее значимая связь всех жизненных установок — с принципом «каждый за себя» (38,2%).

Таким образом, анализируемые жизненные установки молодежи отражают смысловое содержание жизненных позиций молодых людей в отношении способов достижения целей в сфере труда. Несмотря на различие жизненных позиций, все они характеризуются высокой степенью активности в выборе тех или иных способов реализации стратегических целей в обеих сферах жизнедеятельности.

Саморегуляция ожиданий молодежи в реализации жизненных стратегий

В саморегуляции жизнедеятельности значимая роль отводится ожиданиям, в которых отражается представление о вероятности реализации цели. По выражению Никласа Лумана, «символические генерализации концентрируют структуру указаний всякого смысла в ожидания, показывающие, что обещает данная смысловая ситуация» [Луман, 2007: 142]. Другими словами, смыслы, заложенные в цели и способы жизненных стратегий в процессе их формирования, преобразуются в представления о возможностях их конвертации в реальность. Такое превращение становится реальным не только в результате собственных действий, но также зависит от контрагентов, вовлеченных в реализацию стратегий. Поэтому речь идет о социальных ожиданиях, имеющих активный характер требований, предъявляемых молодыми людьми к другим субъектам в сферах образования и труда. Оценив, насколько анализируемые цели связаны с ожиданиями, мы получим представление о возможности реализации жизненных стратегий в представлениях.

Проанализируем связь целей жизненных стратегий в сфере образования с ожиданиями молодежи. В качестве смыслов, преобразующихся в ожидания, используются: доступность платного образования и оценка удовлетворенности качеством приобретаемых знаний (см. табл. 11).

Таблица 11. Связь целей жизненных стратегий в сфере образования с ожиданиями молодежи

Цели жизненных стратегий	Ожидания в сфере образования					
	Доступность платного образования, в %*			Удовлетворенность качеством знаний, в %*		
	Полностью доступно	Доступно, но приходится отказывать себе во многом	Недоступно	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Не удовлетворен
Развитие способностей	26,5	32,4	41,1	11,8	55,9	29,4
Диплом	17,1	40,0	42,9	11,4	52,9	27,1
Потребность в познании	30,8	26,1	46,1	20,8	31,5	47,7
Престиж	19,9	20,1	60,0	29,0	59,9	11,1
Возможность сделать карьеру	19,7	42,6	37,7	14,8	47,5	27,9
Общая культура	33,3	10,0	56,7	19,8	19,1	49,9
Средние значения	24,1	28,5	47,4	17,9	50,0	32,1

*Без учета затруднившихся с ответом.

Как видно в таблице 11, более двух третей респондентов (67,9%) удовлетворены качеством приобретаемых знаний и более половины (52,6%) признают платное образование доступным для себя. Это означает, что большинство молодежи, хотя и с некоторыми оговорками, видит реальные возможности реализовать свои цели

в сфере образования. Вместе с тем почти каждому второму респонденту (47,4 %) платное образование недоступно, а каждый третий (32,1 %) не удовлетворен качеством знаний.

Однако рискованность ситуации становится видимой при анализе связи ожидаемых возможностей с конкретными целями молодых людей в данной сфере. Так, из-за недоступности платного образования возникает угроза для 60 % респондентов, которые целью жизненной стратегии в образовании видят престиж в своем окружении, для 56,7 %, нацеленных на повышение общей культуры, и для 46,1 %, ориентированных на познание. Для 49,9 % респондентов, целью которых является общая культура, и для 47,7 %, имеющих потребность в познании, угроза возникает из-за неудовлетворенности качеством приобретаемых знаний.

Проанализируем связь целей жизненных стратегий с ожиданиями молодежи в сфере труда (см. табл. 12).

Таблица 12. **Связь целей жизненных стратегий молодежи с реализацией ожиданий в сфере труда**

Цели жизненных стратегий	Ожидания от труда, в %*						Степень реализации ожиданий, в %**		
	Профессиональная самореализация	Интересная, творческая работа	Возможности для предпринимательства	Самоутверждение в коллективе	Повышение уровня жизни	Социальное продвижение	Полностью реализовались	Частично реализовались	Не реализовались
Осознание своей полезности в труде	57,3	37,9	7,5	12,5	35,0	7,5	17,5	65,0	12,5
Возможность заработать	38,1	23,7	6,5	8,8	56,1	13,7	12,9	42,4	37,4
Внутренняя потребность в труде	73,3	20,0	2,1	4,6	46,7	20,0	6,7	73,7	20,0
Вынужденная необходимость	0,5	15,0	10,0	40,0	58,5	1,5	10,0	49,5	40,5
Средние значения	42,3	24,1	6,5	16,8	49,1	10,6	11,8	57,6	27,6

* Больше 100 %, так как допускалось несколько вариантов ответа.

** Без учета затруднившихся с ответом.

Таким образом, как показал анализ, значительная доля молодежи сталкивается с проблемой нереализованных ожиданий и в сфере образования, и в сфере труда.

Нереализованные ожидания как фактор изменения социальных настроений молодежи

Настроения молодого человека проявляются в эмоциональной реакции, во-первых, на последствия нереализованных ожиданий, а во-вторых, на разочарование, связанное со значимостью жизненно важных для него целей. Направленность

целей молодого человека на образование или на труд как сферы социальной жизни придает его настроениям социальный характер. В свою очередь, нереализованность цели порождает негативное социальное настроение. Последнее означает, что речь идет не только об эмоциональной реакции на конкретное событие, но о ее распространении на более широкую сферу социальных отношений в форме социальных чувств. В данном случае негативные социальные настроения в форме чувства социальной несправедливости проникают в сферы образования и труда.

Проанализируем, как связаны нереализованные ожидания с социальными чувствами молодежи: с надеждой, уверенностью, безразличием, тревогой, страхом, растерянностью и возмущением (см. табл. 13).

Таблица 13. **Связь нереализованных ожиданий в жизненных стратегиях с социальными чувствами молодежи**

Нереализованные ожидания	Социальные чувства, в %*						
	Надежда	Уверенность	Безразличие	Тревога	Страх, отчаяние	Возмущение	Растерянность
Недоступность платного образования	77,3	64,5	28,6	38,5	23,7	25,9	24,8
Неудовлетворенность качеством знаний	64,4	55,4	40,9	41,2	30,3	52,2	41,1
Нереализованные ожидания от труда	59,4	46,9	37,5	40,7	15,5	33,3	34,3
Средние значения	67,0	55,6	35,6	40,1	23,1	37,2	33,4

* Больше 100%, так как допускалось несколько вариантов ответа.

Содержащиеся в таблице 13 данные говорят о том, что большинству опрошенной нами молодежи нереализованные ожидания не мешают испытывать надежду (среднее значение 67 %) и уверенность (55,6 %). Такие реакции в большей степени присущи молодым людям, столкнувшимся с провалом ожиданий в сфере образования, чем в сфере труда. Вместе с тем значительная доля молодежи, испытывавшей нереализованные ожидания, проявляет повышенную эмоциональность: тревогу (40,1 %), возмущение (37,2 %), безразличие (35,6 %), растерянность (33,4 %), страх и отчаяние (23,1 %). Характерно, что наиболее высокий уровень возмущения вызывает неудовлетворенность качеством приобретаемых знаний (52,2 %).

Молодой человек не всегда способен справиться с такими чувствами, что отражается на его негативном отношении к конкретным институтам и реальности в целом. Эмоциональное состояние усиливается экстремальностью, присущей

молодежному сознанию и поведению, и в определенных условиях перерастает в протестные настроения. Рассмотрим, какова связь наиболее экстремальных социальных чувств с протестными настроениями молодежи (см. табл. 14).

Таблица 14. Связь экстремальных социальных чувств с протестными настроениями молодежи

Социальные чувства	Выбор, в случае социального напряжения, в %		Формы протеста, в которых выражается готовность участвовать, в %		
	Сохранение мира и согласия	Активно протестовать	Сбор подписей	Согласованные митинги, демонстрации	Забастовка
Безразличие	25,4	34,6	29,6	16,2	52,9
Тревога	38,8	33,0	35,4	16,2	61,8
Страх	22,4	28,3	21,1	10,8	47,2
Возмущение	27,7	43,5	30,9	18,9	64,8
Растерянность	24,3	29,9	24,5	13,5	58,8
Средние значения	27,7	33,8	28,3	15,1	57,1

Представленные в таблице 14 данные подтверждают вывод о наличии связи между экстремальными социальными чувствами, возникающими вследствие нереализованных ожиданий в сферах образования и труда, с протестными настроениями молодежи. В условиях социального напряжения молодые люди, испытывающие подобные чувства, выбирают скорее активный протест (33,8%), чем сохранение мира и согласия (27,7%). Наиболее высокая связь выбора протестных форм отмечается в связи с чувством возмущения (43,5%), безразличия (34,6%) и тревоги (33%). При этом 57,1% молодежи, испытывающей эти чувства, предпочтет забастовку, 28,3% — сбор подписей, а 15,1% — участие в согласованном митинге или демонстрации.

Таким образом, нереализованные ожидания молодежи, связанные с ее целями в сферах образования и труда, являются значимым фактором формирования протестных настроений. Для сравнения: среди молодежи в целом в случае социального напряжения в стране предпочтение любой ценой сохранить мир и порядок отмечают 54,7% молодых людей в возрасте 15—17 лет, 60,5% в возрасте 18—24 года и 59,9% в возрасте 25—29 лет. Активный протест рассматривали для себя, соответственно 10,1%, 9,2%, 4,6%.

Выводы

Изучение жизненных стратегий молодежи способствует углубленному пониманию смыслов, определяющих направленность ее жизнедеятельности. Поэтому в теоретическом плане жизненные стратегии рассматриваются в процессе смыс-

лообразования как часть механизма социокультурной саморегуляции жизнедеятельности данной социальной группы. А на эмпирическом уровне они исследуются во взаимосвязи целей жизнедеятельности и способов их реализации.

Обращение к социокультурной специфике предметной области исследования позволяет рассматривать формирование жизненных стратегий в культурном пространстве молодежи как исторически обусловленный процесс. Это подтверждается выявленной связью целей жизненных стратегий, содержащихся в смысло-жизненных ценностях, с типами культуры, разделяемой молодежью, а также между смысло-жизненными ценностями и архетипами, сохраняющимися в коллективном бессознательном обобщенный опыт прошлого.

В результате анализа целей жизненных стратегий в сфере образования и труда выявлена их связь с пониманием молодыми людьми смысла собственной жизни. Это, во-первых, подтверждает обоснованность теоретического подхода, в соответствии с которым цели жизненных стратегий отражают более общие представления молодежи о смысле жизни. А во-вторых, объясняет причину обращения молодежи в условиях кризиса к терминальным ценностям образования и труда, что также является следствием влияния не только более общих, но и более консервативных смысло-жизненных ценностей.

Анализ жизненных установок, от которых зависит выбор способов реализации целей жизненных стратегий, свидетельствует об активной жизненной позиции большинства опрошенных нами молодых людей. Среди анализируемых способов реализации жизненных стратегий в сфере общего образования доминирует традиционный подход, выразившийся в установке на получение широкого объема знаний и общей культуры. Это противоречит существующим стандартам образования в старших классах средней школы, ориентирующих учащихся на выбор профильной специализации. В сфере труда почти каждый второй респондент выбирает ответственное отношение к труду как способу, обеспечивающему максимально эффективную реализацию своих целей в данной сфере. И более трети респондентов связывают способ реализации своей цели в труде с принципом «каждый за себя». Здесь также прослеживается противоречие между традиционным и современным в выборе молодежью способа реализации целей в образовании и в труде.

Анализ ожиданий молодежи в сфере образования и труда позволил реально оценить представления молодых людей о возможности реализации жизненных стратегий. Несмотря на то, что большая часть молодежи видит реальные возможности реализовать свои цели в сфере образования, почти каждому второму респонденту платное образование недоступно, а каждый третий не удовлетворен качеством знаний. В сфере труда большинство молодежи также видит возможности для реализации своих целей. Однако каждый третий респондент признал, что его ожидания не реализовались. Таким образом, достаточно высокий процент нереализованных ожиданий молодежи в сферах образования и труда свидетельствует о наличии в ее среде значительного потенциала протестных настроений.

В ходе исследования процесса саморегуляции протестных настроений молодежи была проанализирована и связь нереализованных ожиданий с социальными чувствами молодых людей. При этом что две трети из них воспринимали нереализованные ожидания в сферах образования и труда с чувством надежды и каждый

второй — с чувством уверенности, значительная доля респондентов характеризовалась повышенной эмоциональностью, испытывала тревогу, возмущение, безразличие, растерянность, страх, отчаяние. Последние рефлексировались как обобщенное чувство социальной несправедливости, в результате связи с которым настроения приобретают протестный характер. Как показал анализ, в условиях социального напряжения каждый третий респондент, испытывающий такие чувства, готов скорее к активному протесту, чем к сохранению мира и согласия. Такой сценарий проявился в событиях марта 2017 г., когда на фоне углубления экономического кризиса и кризиса доверия к власти активизировались протестные выступления молодежи. Именно поэтому создание условий для реализации жизненных стратегий молодежи является одним из способов предупреждения эскалации социальных конфликтов в ее среде.

Однако в связи с усилением кризиса в условиях пандемии коронавируса и бессистемной, спорадической активности управленческих структур неопределенность в жизни общества возрастает. Следовательно, нарастают противоречия в жизненных стратегиях молодежи, а с ними и социальная напряженность. Не находя должного разрешения, противоречия с высокой вероятностью переходят в конфликты между молодежью и обществом. Вопрос их открытого выражения — лишь вопрос времени.

Список литературы (References)

Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.

Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1991) *Life Strategy*. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Волокитина А. А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора : автореф. дисс. ... канд. социол. н. М.: Московский гуманитарный университет, 2011.

Volokitina A. A. (2011) *Life Strategies of Youth in the Context of Professional Choice*. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Moscow University for the Humanities. (In Russ.)

Жизненные планы молодежи / отв. ред. М. Н. Руткевич. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1966.

Rutkevich M. N. (ed.) *The Life Plans of Youth*. Sverdlovsk: Ural University Press, 1966. (In Russ.)

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007.

Zubok Yu. A. (2007) *The Phenomenon of Risk in Sociology. Experience in Youth Research*. Moscow: Mysl. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в жизненных стратегиях молодежи // Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017—2018 годах / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М.: Перспектива: Институт социально-политических исследований РАН, 2018. С. 489—513.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2018) Trust in Youth Life Strategies. In: Osipov G. V., Ryazantsev S. V., Levashov V. K., Rostovskaya T. K. (eds.) *Challenges of the Digital Future and Sustainable Development of Russia. Socio-Political and Demographic Situation in 2017—2018*. Moscow: Perspektiva; Institute of Socio-Political Research RAS. P. 489—513. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 59—75. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/7>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Lyubutov A. S. (2020) An Experience of Structural and Taxonomic Research of Self-Organization in the Life Activity of the Youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 53. P. 59—75. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/7>. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. Брест: Альтернатива, 2008.

Zubok Yu. A., Yakovuk T. I. (2008) The Cultural Life of Youth in a Transforming Society. Brest: Alternativa. (In Russ.)

Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты : Жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1. С. 104—117.

Leontiev D. A. (2014) Meaning Making and Its Contexts: Life, Structure, Culture, Experience. *The World of Psychology*. No. 1. P. 104—117. (In Russ.)

Лисовский В. Т. Эскиз к портрету : Жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М. : Молодая гвардия, 1969.

Lisovsky V. T. (1969) Sketch for the Portrait: Life Plans, Interests and Aspirations of the Soviet Youth. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)

Луков В. А., Луков Вл. А. Методология тезаурусного подхода : Стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 18—35.

Lukov V. A., Lukov Vl. A. (2014) The Methodology of the Thesaurus Approach: A Strategy for Understanding. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. P. 18—35. (In Russ.)

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007.

Luhmann N. (2007) Social Systems. Writing Science. Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Магун В. С., Энговатов М. В. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985—2001 гг. // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / под общ. ред. Ю. А. Левады, Т. Шанина. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 261—327.

Magun V. S., Engovatov M. V. (2005) Intergenerational Dynamics of Youth Life Aspirations and Their Strategies of Resource Support: 1985—2001. In: Levada Yu. A., Shanin T. (eds.) *Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia*. Moscow: New Literary Observer. P. 261—327. (In Russ.)

Морозов Н. М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX—XXI вв. в отечественной историографии. Кемерово: Практика, 2014. Morozov N. M. (2014) Conceptualization of Historical Knowledge of the Russian Civilization at a Boundary of the XX—XXI Centuries. Kemerovo: Praktika. (In Russ.)

Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи. 1985—1995 годы / под ред. В. С. Магуна. М.: Институт социологии РАН, 1998.

Magun V. S. (ed.) *A Revolution of Young People's Aspirations and Changes in their Life Strategies. 1985—1995*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 1998. (In Russ.)

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5—22.

Naumova N. F. (1995) Life Strategy of a Person in a Transitional Society. *Sociological Journal*. No. 2. P. 5—22. (In Russ.)

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

New Meanings in Educational Strategies of Youth: 50 Years of Research. Moscow: Social Forecasting and Marketing Center, 2015. (In Russ.)

Пелипенко А. А. Избранные произведения по теории культуры. М.: Сogласие: Артём, 2014.

Pelipenko A. A. (2014) *Selected Works on the Theory of Culture*. Moscow: Soglasiye; Artyom. (In Russ.)

Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН: Независимый институт гражданского общества, 2002.

Reznik Yu. M., Smirnov Ye. A. (2002) *Life Strategies of Individual: An Experience of Complex Analysis*. Moscow: Institute of Human Sciences RAS; Independent Institute for Civil Society. (In Russ.)

Руткевич М. Н. Жизненные планы молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 118—119.

Rutkevich M. N. (2008) Youth Life Plans. In: Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (eds.) *Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Academia. P. 118—119. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. Sorokin P. A. (2000) *Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

- Тощенко Ж. Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы // Дмитриев А. В., Иванов В. Н., Тощенко Ж. Т. Социологическая мозаика — 2018 / предисл. М. К. Горшкова. М. : КНОРУС, 2018. С. 147—221.
- Toshchenko Zh. T. (2018) *Sociology of Life: In Search for an Answer to the Scientific and Social Challenges*. In: Dmitriev A. V., Ivanov V. N., Toshchenko Zh. T. *Sociological Mosaic* — 2018. Moscow: Knorus. P. 147—221. (In Russ.)
- Ученые записки ФНИСЦ РАН. Выпуск 7. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: Исследование социокультурного механизма / отв. ред. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2020.
- Gorshkov M. K. (ed.) *Scientific Notes of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Volume 7. Youth Self-Regulation: A Study of the Sociocultural Mechanism*. Moscow: FCTAS RAS, 2020. (In Russ.)
- Чередниченко Г. А. Молодежь России : Социальные ориентации и жизненные пути. Опыт социологического исследования. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2004.
- Cherednichenko G. A. (2004) *Russian Youth: Social Orientations and Life Paths. A Case Study*. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)
- Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности в культурном пространстве: Концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 13—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1>.
- Chuprov V. I. (2018) *Self-Regulation of the Youth Life in Cultural Space: The Concept of Socio-Cultural Mechanism*. *Humanities of the South of Russia*. Vol. 7. No. 4. P. 13—25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.4.1>. (In Russ.)
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2001.
- Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Williams C. (2001) *Youth in the Risk Society*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе : Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014.
- Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. (2014) *The Attitude to Social Reality in Russian Society: Sociocultural Mechanism of Formation and Reproduction*. Moscow: Norma; INFRA-M. (In Russ.)
- Шюц А. Избранное : Мир, освященный смыслом. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004.
- Schutz A. (2004) *Selected Works: The World Glowing with Sense*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (In Russ.)
- Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 124—133.
- Jung K. G. (1988) *The Archetypes and the Collective Unconscious*. *Problems of Philosophy*. No. 1. P. 124—133. (In Russ.)

Bessant J., Farthing R., Watts R. (2017) *The Precarious Generation: A Political Economy of Young People*. London: Routledge.

Crofts J., Cuervo H., Wyn J., Smith G., Woodman D. (2015) *Life Patterns Ten Years Following Generation Y*. Melbourne: Youth Research Centre, University of Melbourne.

Evans K., Furlong A. (1997) *Metaphors of Youth Transitions: Niches, Pathways, Trajectories or Navigations*. In: Bynner J., Chisholm L., Furlong A. (eds.) *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Aldershot: Ashgate. P. 17—41.

Furlong A., Cartmel F. (1997) *Young People and Social Change. Individualization and Risk in Late Modernity*. Buckingham: Open University Press.

Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. (2000) *Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability on Education, Employment and Leisure in Europe*. International Expert Report. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Gidley J., Inayatullah S. (eds.) *Youth Future: Comparative Research and Transformative Vision*. Westport, CT: Praeger, 2002.

Carabelli G., Lyon D. (2016) *Young People's Orientations to the Future: Navigating the Present and Imagining the Future*. *Journal of Youth Studies*. Vol. 19. No. 8. P. 1110—1127. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>.

Kelly P., Kamp A. (eds.) *A Critical Youth Studies for the 21st Century*. Leiden: Brill, 2014. <https://doi.org/10.1163/9789004284036>.

Mitev P.-E. Kovacheva S. (2014) *Young People in European Bulgaria. A Sociological Portrait 2014*. Sofia: Friedrich Ebert Foundation.

Walther A., Stauber B., Biggart A., du Bois-Reymond M., Furlong A., López Blasco A., Mørch A., Machado Pais J. (eds.) *Misleading Trajectories: Integration Policies for Young Adults in Europe? Wiesbaden: Springer: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002.* <https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5>.

Williams C., Chuprov V., Zubok J. (2003) *Youth, Risk and Russian Modernity*. Aldershot: Ashgate.

Woodman D., Wyn J. (2015) *Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People*. Thousand Oaks, CA: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781473910591>.

Wyn J., Cahill H., Woodman D., Cuervo H., Leccardi C., Chesters J. (eds.) *Youth and the New Adulthood: Generations of Change*. Singapore: Springer Nature, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>.

Zaremohzzabieh Z., Ahrari S., Krauss S. E., Samah A. A., Omar S. Z. (eds.) *The Handbook of Research on Youth Work in a Digital Society*. Hershey, PA: IGI Global, 2020.